

СЕЛЕСТИНА ДАРО

ТЕОРИЯ

РОЖДЕСТВЕНСКОГО НЕПОСЛУШАНИЯ

Селестина Даро

**Теория Рождественского
непослушания**

«Автор»

2026

Даро С.

Теория Рождественского непослушания / С. Даро — «Автор»,
2026

«Стихийное бедствие в колготках с оленями» — именно так охарактеризовал Лику ее новый напарник, Марк. И он был прав. Поездка в Питер на каникулы обернулась для нее кошмаром: вместо вечеринок — работа в «Игрополисе», вместо отдыха — противостояние с неприступным эльфом-продавцом. Лика готова на все, чтобы вывести его из себя, а он — чтобы ее усмирить. По воле случая они оказались запертыми в магазине. Теперь у них есть ночь, дюжина карамельных тросточек и невыносимое желание поцеловать друг друга. Сможет ли лишь одна ночь перечеркнуть все его правила?

© Даро С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	15
Глава 6	17
Глава 7	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Селестина Даро

Теория Рождественского непослушания

Глава

Все имена и события в произведении вымышлены, любые совпадения с реальными людьми, живыми или мертвыми, случайны. А все отсылки, знаки и секретные послания вам только кажутся... Seriously, хватит искать тайные смыслы в опечатках автора. Это просто книга. Или нет?

*Иногда самое правильное –
это нарушить все свои правила.*

Глава 1

*Самое большое рождественское чудо
в том, как чья-то рука находит
твою в толпе.*

Правило жизни номер раз: никогда не доверяй брату, у которого глаза сияют как у кота, сожравшего не только банку сметаны, но и всю птицефабрику до последнего цыпленка. Особенно если брата зовут Дмитрий (и совсем недавно в супермаркете «Колумбус» он тащил вас через весь зал только для того, чтобы показать скидку на колбасу), а на календаре – двадцать седьмое декабря. Мои законные зимние каникулы должны были состоять из бесконечных сериалов (между прочим, я совсем недавно оформила подписку на популярный сервис, и собиралась устроить забег по «Секретным материалам» и «Грани»), посиделок с подругами в кофейнях и священного ритуала "не вставать до полудня".

Я наслаждалась этим идеальным планом, развалившись на диване и задумчиво щелкая пультом, когда в комнату без стука ворвался вышеупомянутый брат. Вид у него был такой, будто он только что узнал, что Новый год отменили, но готовился к этому всю жизнь. К слову, перед прошлыми зимними каникулами брат заявился с таким же выражением лица и пообещал «легкую прогулку». В итоге я три часа тащила за ним по сугробам в поисках «того самого киоска с беляшами». Беляшей, кстати, мы так и не нашли.

– Лика! – выпалил он запыхавшись. – Ты – мой единственный шанс на спасение! Мой ангел-хранитель, моя...

– Если следующим будет "моя любимая сестра", я швырну в тебя этим пультом, – прервала его я, не отрывая взгляда от экрана. – Он, между прочим, тяжелый.

– Дело серьезное! – Дима присел на край дивана, и принял позу несчастного щеночка, которую он оттачивал с детства. – Группа внезапно собралась на горнолыжку. На все каникулы! Прямо завтра выезд!

Я медленно перевела на него свои синие глаза. В них читалось все мое царственное безразличие.

Когда я поняла, что спустя минуту Дима, нахмутив брови, буравит меня взглядом, то пошла в атаку:

– Мне уже пора паковать чемоданы, чтобы поддержать твои лыжные палки?

– Нет! – Он сделал паузу и драматично закатил глаза. – Ты поедешь в Питер. К отцу. Работать вместо меня в "Игрополисе".

Я расхохоталась. Идея была настолько абсурдной, что даже не требовала обсуждения.

– Дима, дорогой, ты, видимо, перепутал меня с какой-то другой, ну очень ответственной и трудолюбивой Ликой. Эта Лика, – я ткнула себя пальцем в грудь, – целый месяц строила планы насчет того, как проведет зимние каникулы в уютном пледике с чашкой какао на вот этом самом диванчике. Эта Лика не поедет торговать плюшевыми медведями и игрушечными поездами пока весь город гуляет.

– Папа ждет! Ты же знаешь, в такое время важен каждый эльф, играющий с детьми и упаковывающий подарки! Это же весело!

– Весело? – Я подняла бровь. – Дим, твое представление о веселье тревожненькое. И если это правда так весело, то чего ж ты сам решил срулить на горнолыжку? Еще раз подчеркиваю: я планировала читать, смотреть кино и есть салаты, которые почему-то считаются новогодними.

– Ты же там никого не знаешь! Тебе же скучно будет! – попытался он зайти с другой стороны.

– В одиночестве есть своя прелесть, – вздохнула я. – Особенно, когда это одиночество с высокоскоростным Wi-Fi и полным холодильником. Мне даже не обязательно знать никого из тех, кого пригласила мама. Главное – с ними не пересекаться.

И тут глаза Димы опасно блеснули. Тем самым блеском, который в детстве предшествовал предложениям вроде "а давай прыгнем с сарая в сугроб?".

– Значит, боишься, – тихо и ядовито констатировал он.

Я фыркнула:

– Даже не пытайся.

– Боишься, что не потянешь. Что не справишься с ответственностью. Что ты до сих пор та самая маленькая девчонка, которая и трех дней в режиме "взрослый человек" не выдержит, не то, что целую неделю.

Воздух в комнате застыл. Он точно знал, что бьет по-большому. Проклятье!

– Ну–ка, повтори, – я зло прищурилась, мой голос стал ледяным.

– Ты применяешь запрещенные приемы, и после этого считаешь, что меня должна волновать твоя горнолыжка?

– Да не кипятись ты, Лик! На самом деле, все просто. Я хочу предложить тебе сделку, – Дима выставил ладони перед собой.

– Что ты имеешь ввиду? – Я нервно моргнула.

– Ты выдержишь в Питере все каникулы, до восьмого января, работая при этом в "Игрополисе" вместо меня. Если сбежишь раньше – проиграла.

– И что я получу, помимо сомнительного удовольствия провести праздники в обнимку с незнакомыми детьми и их сопливыми носами?

– Самую последнюю модель того самого телефончика, которого ты так боготворишь, – лукаво улыбнулся Дима.

Я удивленно подняла брови. На некоторое время воцарилось молчание. Он мне предлагал Святой Грааль, не меньше!

– Врешь, откуда у тебя столько денег? – сказала я, пытаюсь прощупать почву.

Хотя Дима, в отличие от меня, постоянно работал.

– Сдается мне, что не только в горнолыжке дело... – медленно протянула я. – Сливать свои сбережения ради того, чтобы провести каникулы с друзьями?

Теперь уже я не переставала буравить его взглядом, но брат и не думал сдаваться.

– Идет, – выдохнула я, сама не до конца веря в произнесенное.

– Договорились, – Дима протянул руку для рукопожатия, и я с надменным видом ее приняла.

Правда, при этом у меня в животе все сжалось, и я почувствовала, будто с головой ныряю в совершенно сумасшедшую авантюру.

Я не видела отца с десяти лет, и даже когда прошлым летом была в Санкт-Петербурге, я не приняла его предложение встретиться. То ли дело – мой брат. Он, можно сказать, жил на два города и два дома и обид на отца не таил.

Вот так вот и получилось, что я сейчас стою перед огромными, богато украшенными витринами "Игрополиса". За стеклом совершает свою чудесную поездку игрушечный поезд, а гирлянды обнимают все, до чего могут дотянуться. Внутри – настоящий детский рай: двухэтажное пространство, которое занимает левую часть третьего и четвертого этажа, забитое игрушками, с огромной елкой посередине. Лиговский проспект, тридцать. На этом месте раньше был другой игрушечный магазин, но он закрылся, и отец, выкупив площади, открыл там свой "Игрополис". Свято место пусто не бывает.

Я раскрываю свой "пушистый" блокнот в обложке в виде головы единорога, и пробегаюсь по строчкам, чтобы набраться храбрости.

ТЕОРИЯ РОЖДЕСТВЕНСКОГО НЕПОСЛУШАНИЯ

Гипотеза: Строгое соблюдение правил убивает рождественское чудо. Истинная магия рождается в спонтанности, легком безумии и актах целенаправленного непослушания.

Если я провалю сделку с братом по причине проверки своей теории – значит так тому и быть. Обещаю себе не расстраиваться из-за неполучения новенького семнадцатого...

Я делаю глубокий вдох, толкаю тяжелую дверь и захожу внутрь. Звнящий колокольчик над головой возвещает о моем прибытии. И тут мой взгляд попадает на него.

Парень. Лет девятнадцати-двадцати. То есть, ему на вид примерно столько же, сколько мне. В таком же дурачком, как и у всех, костюме рождественского эльфа, но он на нем смотрится... нелепо и одновременно серьезно. Костюм эльфа! Серьезно! Темноволосый, темноглазый, он поправляет гирлянду на одной из полок точными, выверенными движениями. Он оборачивается на звук колокольчика, и его взгляд – тяжелый, изучающий, без единой искорки приветствия – скользит по мне. Он смотрит так, будто уже решил, что я – ошибка в его безупречном рождественском уравнении. Ошибка, которую нужно немедленно исправить. "Вот черт", – проносится в моей голове единственная связная мысль.

Глава 2

Воздух в "Игрополисе" пахнет не только мандаринами и детским восторгом, но и тотальным контролем. По крайней мере, в радиусе пяти метров от него. Темноволосый эльф, не отрывая от меня своего тяжелого взгляда, делает последнее движение, с ювелирной точностью закрепляя гирлянду на полке, и медленно направляется ко мне. Он приближается тихо-тихо, совсем, как кот, и потому я ожидаю, что он сейчас зашипит. Меня охватывает абсолютно иррациональное нервное предвкушение.

В этот момент из-за стеллажа со стеклянными игрушками появляется отец. Его лицо расплывается в улыбке, но взгляд бежит, он явно занят и торопится.

– Ликусь! Приехала! Ну, Дима мне все объяснил, молодец, что выручаешь! – говорит он так, словно мы все это время общались, а потом внезапно обнимает. Он пахнет слишком привычным одеколоном и кофе. Я теряюсь от такого внезапного проявления чувств, и позволяю себя обнять, но сама не обнимаю в ответ. – Марк, она в твоих руках. Покажешь, расскажешь. У меня поставщик на линии, сорваны две поставки игрушек из чешского стекла. Я в офисе.

И он, потрепав меня по плечу, исчезает так же стремительно, как и появился. Оставив меня почти наедине с Марком... И плевать, что магазин полон другими эльфами, потому что именно так все это и ощущается: будто бы мы остались наедине.

– Значит, у меня будет увлекательная экскурсия по "Игрополису"? – чуть прищурившись, с ходу кидаю ему вызов.

Он игнорирует мою попытку шутить, как наглые вороны игнорируют чирикание крохотных синиц в кормушке за окном.

– Марк, твой напарник, – он зачем-то повторно представляется. – И нет, экскурсий не будет. Тут нужны каждые свободные руки, причем даже не вчера, а месяц назад. Так что будет *только* работа.

С секунду Марк смотрит на меня как на неопознанный объект, а потом коротко бросает:

– Пошли, – и поворачивается ко мне спиной, абсолютно уверенный в том, что я последую за ним.

И я, к слову, следую. А что ж мне еще делать? Мы идем мимо полок, уставленных машинками, куклами, медведями, конструкторами, настольными играми, и я, к своему удивлению, все же получаю экскурсию. Правда, голос "экскурсовода" звучит так, словно он зачитывает инструкцию по сборке атомного реактора.

– Это отдел настольных игр. Следим, чтобы дети не раскидывали фишки. Вон там – конструкторы. Мелкие детали не должны оставаться на полу. Дальше – мягкие игрушки. Пылесосим раз в два дня.

– А поиграть можно? – не удерживаюсь я.

Он останавливается и поворачивается ко мне. Одна бровь ползет вверх. Это чуть ли не единственное яркое проявление эмоций, которое я у него пока что видела.

– Нельзя, – безапелляционно отрезает Марк и продолжает движение. – Главное правило: порядок превыше всего. Дети могут играть с демонстрационными образцами, но только под присмотром и только в отведенных зонах. Не поощрять беготню и крики.

– То есть, запретить детям быть детьми? Звучит здорово.

– Это называется "создавать безопасную и предсказуемую среду", – парирует он без тени сомнения. – Вон там мини-кондитерская, потом – площадка для активных игр с песочницей, где можно испытать выбранные ведерки и лопатки, далее – компьютерные игры и коллекционные машинки.

Мы обходим весь первый этаж, поднимаемся на второй. Там – целое королевство – кукольный домик размером с настоящую кухню, железная дорога, рядом с которой стоит целая армия Щелкунчиков, уголок для творчества и комната для праздников. Все сияет чистотой. Мне начинает казаться, что даже плюшевые мишки сидят в идеально симметричных позах.

Марк показывает на неприметную дверь рядом с творческим уголком.

– Там склад. Без острой необходимости одна не заходишь. Только вместе со мной.

– Поняла. Не устраивать там вечеринки.

Он морщится, будто бы я только что угостила его долькой лимона.

Спускаемся обратно вниз. Он подводит меня к стойке с кассами и протягивает толстую синюю папку.

– Расписание дежурств и правила магазина. Вся информация здесь. Твоя смена завтра с девяти утра. Будем готовить магазин к открытию вместе.

Я принимаю папку. Она тяжеленная. Создается впечатление, что в ней лежит не расписание, а как минимум устав целой военной базы.

– У нас есть утренний ритуал? Может быть, вы поете гимн "Игрополиса"? Или дружно наблюдаете за тем, как рождественский поезд с печеньем сделает свой первый круг?

Я представляю, как одиннадцать эльфов, включая меня, встают полукругом перед украшенной елью и начинают воодушевленно музицировать, и из моего рта вырывается смешок, который я стараюсь скрыть за кашлем.

Но Марк не улыбается. Еще одна моя попытка расшевелить его оказывается абсолютно провальной.

– Нет. Но тут всегда есть внутренняя жизнь, поэтому с утра мы также подготавливаем пространства для мастер-классов. Костюм эльфа можно получить в подсобке. Серая дверь во внутреннем коридоре. Ящик с большой красной надписью "Костюмы".

Я делаю вид, что вытаскиваю невидимый блокнот и конспектирую все, что он говорит. Он тщательно прячет свою реакцию на это, отводя глаза к окну и переводя дух, а потом продолжает:

– И не опаздывай. Не выношу тех, кто опаздывает.

Последнюю фразу он бросает через плечо, уже отворачиваясь и направляясь к стойке с кассой, словно на этом наш разговор окончен. Меня будто обдают кипятком.

– А я, – выпаливаю я его спине, заставляя его замедлить шаг, – терпеть не могу зануд в костюмах эльфов, которые ведут себя так, будто бы работают не в магазине игрушек, а в Пентагоне.

Марк останавливается и медленно, очень медленно поворачивается. На его лице опять нет эмоций! Он – живое воплощение порядка! Но я – дух непослушания, так что мы еще посмотрим, кто кого.

Марк просто фыркает – коротко, почти неслышно – и, наконец, отводит взгляд.

– Завтра в семь, – строго бросает он, и я в ответ показываю ему язык.

Внутри меня закипает азарт. Отлично. Игра началась. Посмотрим, чьи правила окажутся сильнее в этом царстве под названием "Игрополис".

Глава 3

На часах – шесть пятьдесят семь. Я стою перед запертыми дверями "Игрополиса", и внутри меня бушует гражданская война. С одной стороны – достоинство, буквально требующее развернуться и уехать обратно в Москву. С другой – упрямство, жаждущее заполучить тот самый новый телефончик и посмотреть, как Дима будет заливаться краской позора. И где-то посередине – еще не успевшие согреться ноги и дикое желание спать.

Из-за угла появляется он. Марк. В темном пуховике, без дурацкого колпака, и от этого кажется еще более неприступным. На его лице – та же невозмутимость, что и вчера. Он бросает на меня короткий взгляд, молча подходит к двери, вставляет ключ.

– Я не опоздала, – заявляю я, следуя за ним внутрь. Теплый воздух, пахнувший сладостями и детством, обволакивает меня.

– Это факт, – слышу я в ответ. Марк уже снимает куртку, а под ней – все тот же идеально отглаженный эльфийский жилет. – Начинаем с проверки витрин.

Первые два часа проходят в режиме "вопрос-ответ-вздых". Я пытаюсь шутить. Он отвечает односложно. Я предлагаю расставить плюшевых мишек в забавные позы. И даже показываю на некоторых, как это должно выглядеть. Он поправляет их обратно, выстраивая четко в строгую линию. Я называю игрушечный поезд "Ледниковым экспрессом". Он сообщает, что это модель Rhaetian Railway.

Я чувствую, как медленно, но верно превращаюсь в сосульку – идеальную, холодную и безжизненную. Еще немного, и я начну отражать свет такими же ровными, скучными бликами.

К одиннадцати утра магазин наполняется детским гомоном. И вот тут моя внутренняя королева хаоса, затравленная идеальным порядком мистера-зануды Марка решает нанести ответный удар.

К нам подбегает маленькая девочка с бантами больше ее собственной головы.

– Я хочу поиграть с куклой, – жалобно говорит она.

Марк открывает рот, чтобы, я уверена, произнести что-то в духе "демонстрационные образцы находятся там-то, играть под присмотром", но я опережаю его.

– Это чудесно, милая! – весело говорю я и беру девочку за руку. – А давай устроим им настоящий бал? Тут есть шикарный кукольный домик! Я сейчас тебе его покажу!

Я веду ее к домику, расставляю кукол и начинаю их озвучивать разными голосами. Девочка хохочет. Особенно сильно, когда, периодически, я изображаю удивленное выражение лица, широко раскрывая глаза. К нам присоединяется еще пара детей. Я организую им "модный показ" кукольных нарядов.

Спустя некоторое время я чувствую на себе взгляд. Оборачиваюсь. Марк стоит в паре метров от меня, скрестив руки на груди. Его лицо снова абсолютно непроницаемое. Снова! Но глаза выдают его с потрохами. В его темных серых глазах я читаю не просто неодобрение. Там настоящая снежная буря, ребята! Он не просто недоволен. Марк в ярости. Но я, к слову, вроде бы не нарушила ни одно его священное правило. Так ведь?

Когда первый наплыв стихает и дети, довольные, уходят к родителям, он подходит ко мне. Мы стоим у полки с карамельными тросточками, аккуратно разложенными по цветам.

– Это что такое было? – спрашивает он тихим голосом, в котором звенят металлические нотки.

– Работа, – тут же парирую я, с вызовом глядя на него. – Я создавала атмосферу волшебства. Детям было весело.

– Ты создавала атмосферу беспорядка! Они могли что-то сломать!

– Это дети, Марк. Им нужно играть, а не ходить по струнке! Они приходят сюда воплощать свои мечты!

– В этом магазине есть правила! – Его голос впервые повышается на пол-тона.

– А есть жизнь! – не сдаюсь я. – И иногда она должна пахнуть не стерильностью, как в больнице, а ...карамелью.

Я хватаю с полки красно-белую трость и размахиваю ею. Мы стоим друг напротив друга, словно Пушкин и Дантес, и воздух трещит между нами от напряжения. Его серые глаза горят темным огнем, и я внезапно замечаю, что у Марка очень длинные ресницы. Глупая, абсолютно неуместная мысль.

– Ты... – начинает он, и я отшатываюсь назад.

Но закончить фразу ему не суждено. Я ударяюсь спиной о пару полок, и им тут же передается странная вибрация. В следующую секунду внезапный грохот обрывает наш спор. Мы оба поворачиваем головы на звук. С верхней полки, где аккуратно стояли большие коробки с плюшевыми медведями, падает одна, самая большая коробка. Она летит вниз, прямо на меня, раскрываясь по пути и выпуская в полет пару десятков белых и розовых пушистых комков.

Я застываю на месте, не в силах пошевелиться. Мир замедляется. Я вижу летящих на меня медведей и широко раскрытые от страха глаза Марка. Кажется, я даже вижу собственное отражение в его зрачках – испуганное и совершенно беспомощное. Он делает резкое движение в мою сторону. Его рука с силой обхватывает мое плечо, отдергивая меня в сторону. Я все-таки теряю равновесие, и толкаю Марка этим самым плечом в грудь. В следующую секунду мы вместе летим на пол, потому что Марк явно не ожидал от меня такого подвоха. Падение кажется бесконечным. Я чувствую, как его рука инстинктивно обвивается вокруг моей талии, прижимая меня к себе. Плюшевые мишки с мягким стуком обрушиваются на то место, где я только что стояла. Мы падаем прямо в кучу мягких игрушек по распродаже – оленей, морских котиков и гусей, и теперь лежим так, что я чувствую каждую напряженную мышцу его тела. Его дыхание горячим вихрем обжигает мне шею, а его сердце бьется так громко, но, самое главное в том, что он, впервые он смотрит на меня не так холодно, как обычно. И это заставляет мое собственное сердце сорваться и бежать спринт.

Глава 4

На секунду воцаряется тишина, нарушаемая только нашим прерывистым дыханием. Мое лицо уткнулось в его жилет, который пахнет стиральным порошком, розмарином, и чем-то ещё, древесным и теплым. Я лежу на Марке, и мое сердце колотится как сумасшедшее.

– Ты... в порядке? – прямо подо мной его голос звучит приглушенно.

Я отрываю голову от его груди. Прямо рядом с нами разбросана целая куча розовых и белых медведей, и некоторые из них все-таки умудрились приземлиться нам на ноги. Я вижу лицо Марка с непривычно близкого расстояния. Его серые глаза широко раскрыты, и в них нет ни следа недавней ярости. Только шок и острая тревога. А ещё забота.

Это новое выражение на его лице заставляет мое сердце сделать еще одно сальто мортале.

– Кажется, да, – выдавливаю я, откатываюсь с него и сажусь, а затем поправляю одежду. Мне жарко. Щеки пылают. А по спине бегут мурашки. – Спасибо. Ты... ты меня спас.

Марк медленно поднимается на локти. Его безупречная прическа слегка растрепана, одна из темных прядей упала на лоб, и это делает его... еще более привлекательным.

– Не за что, – он отводит взгляд, и его снова будто подменяют. Тревога исчезает, сменяясь привычной холодностью и сдержанностью.

Он встает, отряхивается, и его движения снова становятся резкими и точными. – Нужно было лучше закрепить эти коробки. Моя ошибка.

Он протягивает руку, чтобы помочь мне подняться. Я принимаю его помощь. Его пальцы крепкие, теплые, и касание длится ровно столько, чтобы я успела это отметить, прежде, чем он отпускает мою руку, словно обжегшись.

– Давай... приведем это в порядок, – говорит он, оглядывая «поле битвы».

Мы молча начинаем собирать медведей. Тишина между нами теперь какая-то иная. Наполненная не враждебностью, а мыслями. Я украдкой наблюдаю за Марком. Он аккуратно, почти с благоговением, отряхивает каждого мишку, затем тщательно проверяет, не испачкался ли он, и лишь потом возвращает его в общую коробку. Он выглядит слишком серьезным. Как ученый, прорабатывающий невероятно сложную теорию, не меньше. Но в этой его сосредоточенности на таких простых движениях есть что-то невероятно трогательное.

Марк собирается достать медведя, улетевшего в самую глубь под стеллаж, и закатывает рукав своего лонгслива. Я вижу это.

На сгибе его левого локтя, на смуглой коже, нарисована миниатюрная звездочка. Это не татуировка, а, скорее, рисунок, сделанный синей гелевой ручкой. Он выглядит так неуместно на этом строгом, взрослом парне. Так странно и мило.

Марк ловит мой взгляд, прикованный к его руке, и резко опускает рукав обратно.

– Что это? – не могу удержаться я.

Мое любопытство сильнее такта.

Марк замирает на долю секунды, его спина напрягается.

– Ничего, – отрезает он, и его голос снова обретает стальные нотки. – Пустяк.

Марк продолжает собирать медведей, но я вижу, что его плечи все еще напряжены.

Эта маленькая, «детская» звездочка на его руке вдруг расколола для меня его неприступный образ на тысячу осколков. Теперь я понимала, что там, за ним пряталось что-то теплое, уязвимое, и, возможно, пока ещё мне не знакомое.

Он поднимает последнего медвежонка, встает, и, не глядя на меня, бросает через плечо:

– Инцидент исчерпан. Вернемся к работе.

Но я-то вижу, как кончики его ушей предательски покраснели. Инцидент с медведями, может, и исчерпан, но, мне кажется, что между нами зародилось что-то более опасное, электрическое, манящее. Хотя я, конечно, может быть, просто придумываю.

Я действительно возвращаюсь к работе. Печатаю заново семь ценников. Дети постоянно их вытаскивают! Потом

переставляю кукол после выкладки мерчендайзера. Кажется, она сама не в курсе, как это делать правильно, но я, благодаря абсолютному занудству Марка, очень быстро запомнила. Наверное, каждый раз, когда он видит ее выкладку – он бесится. Я улыбаюсь, поймав себя на этой мысли. Затем тихо болтаю с ещё одной девушкой-эльфом, опасаясь, что нас застукают. Нам разрешается говорить только со своим напарником, но с остальными помощниками Деда Мороза просто так болтать было, естественно, запрещено. Мы перекидывались парой слов, если это касалось рабочего процесса, но ведь это так скучно!

Еще минут пятнадцать проверяю афишетки и шелфтокеры, а потом играю с той-самой девушкой, к слову, Светланой, отличающейся харизмой и обаянием, в мяч, и, наконец, снова ловлю на себе цепкий взгляд Марка. Признаюсь: я опять его провоцирую. Я хочу, чтобы он ревновал, что я играю не с ним, и мне удастся привлечь его внимание. Но ненадолго. Марк быстро возвращается к работе и игнорирует мое существование.

Но и мне совсем некогда скучать: чем ближе к Новому году, тем все большее количество человек в час заходит в магазин, и, все, что я успеваю делать – словно какой-то робот, а вовсе не эльф, упаковывать не меньше сотни подарков в час. Не знаю, гордился ли бы мной Дед Мороз, но я сама так точно хвалю себя за такую скорость!

Когда чувствую, что руки перестают слушаться и требуют перерыва, поднимаюсь на второй этаж – там всегда потише – забиваюсь в уголок и чищу мандарин. Еще перед началом смены я положила к себе в карман три штуки, и теперь пришло время съесть как минимум один. Божественный аромат начинает распространяться по всему второму этажу, и я на секунду закрываю глаза.

Глава 5

Звездочка, эта дурацкая, нарисованная ручкой звездочка, не дает мне покоя. Она, видимо, въелась в сетчатку моих глаз, и теперь мерещится на каждом плюшевом мишке.

Какой он на самом деле, этот Марк? Не тот, который неприступный гуру порядка, а тот, со звездочкой? А ведь и правда, со звездочкой. Вся эта задачка...

После инцидента с медведями Марк больше не делает мне замечаний, и это молчаливое «перемирие» даже немного пугает. Он просто... работает.

А я опять не выдерживаю, и решаю провести собственное расследование. Во время обеденного перерыва я подлавливаю за кофе Софью. Кажется, она старше остальных «эльфов», знает здесь все и всех, и я видела, как отец подходил к ней...

– Софья, а расскажите про Марка? – невинно начинаю я, размешивая сахар в кружке. – С ним вообще возможно говорить о чем-то, кроме этого магазина и правил?

Софья издает не то вздох, не то сдержанный смешок.

– Маркуша? Да он золотой мальчик. Никогда не подведет, все сделает лучше и быстрее всех. Но закрытый, да. Как ракушка.

– А почему? Он всегда таким был? – продолжаю интересоваться я.

– Я его знаю недолго, месяцев пять, как он пришел. Сначала вообще молчун был, сейчас хоть заговорил понемногу. Лика, ты не принимай близко к сердцу. Он не со зла. Просто, видно, у парня свои демоны.

«Свои демоны». Звучит интригующе и немного жутко. Моя фантазия сразу рисует мрачное прошлое, предательство... Я ловлю себя на том, что мне до боли хочется узнать, что там, за гранитным фасадом.

Возвращаясь с перерыва, я становлюсь свидетелем сцены, которая заставляет мое сердце снова сделать кувырок.

У полки с конструктором стоит тот самый застенчивый мальчик, которого я заприметила чуть ранее. Его мамы не видно, и по его лицу ползет слеза. Марк подходит к нему, присаживается на корточки, чтобы оказаться с ним на одном уровне. Как старший брат...

– Что случилось? – спрашивает он тихим, обволакивающим голосом, совсем не таким, которым говорит со мной.

– Хочу тот, большой... А мама говорит: «Дорогой!». – всхлипывает мальчик.

– Понимаю, – говорит Марк. – Знаешь, у меня тоже не всегда получается получить то, что очень хочется. Но самый крутой конструктор – не обязательно самый большой. Давай я покажу тебе один секретный? С ним можно собрать настоящую крепость.

Он берет с полки коробку среднего размера, открывает ее и начинает показывать мальчишке схемы сборки. Его голос мягкий, ободряющий. Он улыбается. По-настоящему. И в этот момент он выглядит как теплое солнышко.

А я стою за стеллажом, затаив дыхание, и чувствую, как во мне что-то тает. Этот контраст между его обычной холодностью и мгновенной, искренней добротой сражает меня наповал.

И тут у него в кармане звонит телефон. Он смотрит на экран, и его лицо меняется. Улыбка гаснет, а взгляд становится настороженным. Он извиняется перед мальчиком и отходит в сторону. Марк и правда возьмет трубку? Сейчас? Разве это – не против правил?

Я не хочу подслушивать. Честно. Но я не могу оторвать от него взгляд. Он стоит ко мне почти спиной, его плечи напряжены.

– Я сказал, разберусь, – слышу я отрывок фразы. Его голос снова стал резким, каким был и во время нашего спора. В нем слышно раздражение и усталость. – Мне просто нужно... отвлекаться. Да. Все нормально.

«Отвлечся». Слово повисает в воздухе. Он говорит это с таким надрывом, будто работа здесь, в этом сказочном детском магазине, и правда его единственное спасение от чего-то тяжелого.

И тут происходит самое страшное. Он оборачивается, все ещё не закончив разговор, и его взгляд, темный, полный каких-то внутренних терзаний, находит меня. Марк видит, что я наблюдаю за ним! Видит мое замешательство, мою непрошенную жалость. Его глаза пустеют и становятся похожими на два куска темного стекла. Он медленно опускает телефон, не отрывая от меня взгляда, и я чувствую, как по моей спине бегут мурашки. Колокольчик у двери звонит в очередной раз, но Марк продолжает смотреть на меня, в его взгляде я читаю уже не тревогу, а предупреждение. «Не лезь, – словно говорит он. – Не лезь туда, куда тебя не просят».

Я делаю над собой усилие и отворачиваюсь. Затем наклоняюсь, поправляю свои полосатые чулки и иду к елке, чтобы помочь надувать воздушные шары эльфийке с бледно-розовыми волосами. В этой секции магазина их уже трое, одна – следит за музыкой, другая – показывает детям танцевальные движения, а к третьей, с воздушными шариками – уже выстроилась очередь. Она благодарно кивает, когда я присоединяюсь к ней.

Рядом начинается битва снежками из ваты, ещё две девушки демонстратора сложили желтые и красные магнитные маты в две крепости, и теперь очередь за шарами начала потихоньку рассеиваться. Дети с энтузиазмом присоединяются к их «снежной» баталии. По залу начинает разгуливать большой белый медведь – Андрей – один из аниматоров «Игрополиса».

Появляются лесовик и Дед Мороз – дети один за другим усаживаются к нему на колени, а затем, прошептав ему на ухо свое желание, кладут письмо в почтовый ящик, стоящий рядом. Я, наконец, почти полностью забываю о Марке и с головой погружаюсь в процесс.

Но происходящее далее снова вынуждает меня обратить на него внимание. Оказалось, что ритуалы у эльфов все-же есть. Один раз в день мы собираемся на свободной площадке возле красной телефонной будки и танцуем зажигательный танец. Все вместе! Даже Марк! Он танцует в первом ряду, а я — в последнем, стараясь как можно точнее повторять за ним четко выверенные движения. Рядом с ним танцует светловолосая Настя, и я чувствую, как испытываю укол ревности, потому что на ее месте хотела бы оказаться я.

Что со мной не так? Я знаю Марка всего ничего! Мне нужно перестать пялиться на него, и сосредоточиться на том, ради чего я здесь: выиграть спор с Димой и получить телефон. То есть, это означает, что я должна сосредоточиться на работе, а не на неприступном привлекательном эльфе, который двигается так, будто всю жизнь тренировался в Тодесе.

Глава 6

После того, как я застала Марка за телефонным разговором, наши «непринужденные» беседы сошли на нет. Теперь он отвечает на мои вопросы односложно и держится от меня на расстоянии, словно я – источник страшного зомби-вируса. И эта холодная вежливость ранит меня больше, чем его ворчание.

Что ж, если он решил окончательно меня заморозить, то я, к слову, не собираюсь покорно превращаться в ледышку.

Я окидываю взглядом магазин. К моему удивлению, на втором этаже пока еще не так много народа. Идеальное место, чтобы привлечь идеально много внимания Марка. Я оккупирую пространство вокруг игрушечной железной дороги, где стоят несколько коробок с демонстрационными радиоуправляемыми машинками.

– Эй, кто хочет устроить настоящие гонки? – объявляю я паре мальчишек, которые с тоской смотрят на поезд, делающий сотый круг по одному и тому же маршруту.

Их глаза загораются. Через минуту мы уже строим «трассу» из подручных средств: книг и коробок. Я включаю три машинки и раздаю мальчикам пульты управления. Спустя ещё пару минут – визг тормозов, скорость, азартные возгласы – второй этаж превращается в настоящий филиал картинга. Божечки, я и так всегда обожала автодром, а это! Все это было восхитительно, весело, и, в принципе, абсолютно безобидно.

Я так увлекаюсь, что не замечаю приближение грозы. Я чувствую ее уже тогда, когда воздух вокруг меня сгущается и холодеет. Хотела внимания? Вот оно, пожалуйста. Получите-распишитесь.

– Что здесь происходит? – ледяной голос Марка звучит у меня за спиной, порождая волны крошечных мурашек на коже.

Я медленно оборачиваюсь, держа в руках пульт от машинки. Дети затихают, испуганно смотря на него.

– Каникулярные гонки «Формула-Игрополис», – с вызовом отвечаю я, поднимая вверх подбородок. – Хочешь присоединиться? Есть свободный болид.

Я в упор смотрю на него и ожидаю взрыв. Снежную бурю. Очередную лекцию на тему правил поведения. Моего и детей. Я напрягаюсь, вытягиваясь в струнку, и готовлюсь к битве.

Но Марк стоит и, как ни в чем ни бывало, просто разглядывает восторженные и одновременно напуганные лица детей. Затем переводит взгляд на застывшие в самых неожиданных позах машинки на нашей импровизированной трассе. А потом смотрит на меня. И как будто бы даже не сердится, а ласкает взглядом. Проходится по моим растрепанным волосам, горящим щекам, и останавливается на глазах. Улыбается. Широко и немного смущенно. Он проводит рукой по своим волосам, и тихо, с легкой хрипотцой, смеется.

– Выглядит эпично, – произносит он сквозь смех.

Мое сердце колотится, и сквозь этот звук я слышу, как разбиваются на осколки все мои приготовленные колкости, и рассыпается в прах вся броня, которую я успела на себя натянуть.

Он качает головой, и все ещё улыбаясь, разворачивается.

– Только... уберите за собой, ладно? – бросает он через плечо, и уходит, оставляя меня стоять в полной растерянности, и даже некотором оцепенении.

Дети, увидев, что гроза миновала, возобновляют гонки. А я все еще стою, не в силах пошевелить вообще ничем, и пытаюсь осмыслить произошедшее. Что это было?

Марк улыбнулся. Марк рассмеялся. Марк... назвал то, что я устроила – эпичным.

И теперь я не могу выбросить из головы его смех. В ушах шумит от адреналина, и я медленно опускаю машинку на пол, чувствуя, как улыбка сама расползается и по моему лицу.

«Черт возьми», – шепчу я про себя. – «Кажется, я попала. Вляпалась. Потому что мне хочется снова и снова видеть, как он улыбается. А это, черт возьми, уже совсем другая история. И спор с Димой тут совершенно ни при чем».

– С тридцатого на тридцать первое декабря мы будем работать до двух ночи, ты же в курсе? – ко мне вдруг подходит та самая светловолосая Настя, к которой я ревную Марка. – Просто ты новенькая, и, возможно, тебе не сказали...

– До двух ночи? – Мои брови удивленно взлетают вверх.

– *«Ох уж этот предновогодний шопинг! Кажется, для него нужен как минимум двадцать пятый час в сутках»,* – не своим голосом декларирует мне Настя и вручает небольшую листовку, на которой я вижу этот самый текст плюс небольшую добавку:

«С тридцатого по тридцать первое декабря специально для вас мы работаем до двух ночи. Приходите!».

– Спасибо, – я благодарю Настю, и, пока она не успела уйти, отдаю ей листовку обратно.

– Видишь вон там на входе небольшую группу детей в светоотражающих жилетах? – подхватывает Настя. – Возьми, пожалуйста, на кассе билеты на VR-аттракцион и раздай им?

– Э-э-э... Ладно, – соглашаюсь я, чувствуя себя дурочкой.

Как, когда и почему Анастасия вдруг начала мной командовать? Я и есть дурочка. Она это сделала сейчас, и я согласилась.

Я иду к кассам, забираю билеты на VR и раздаю детям. Они радостно и возбужденно обсуждают будущий поход на аттракцион, а Настя мило болтает с Марком.

Я снова стараюсь отвлечься и иду рассаживать плюшевых медведей по стульям. За некоторыми эльфами здесь закреплены свои отделы, но я – свободный эльф на подхвате, чему очень рада. Благо, мне не приходится целый день стоять у кукол или конструкторов, иначе я бы просто умерла от полученных эмоций. Особенно сегодня.

Почему, ну почему Марк так легко улыбается Насте, а мне приходится у него улыбку чуть ли не когтями выцарапывать? Наверняка потому, что она ему нравится, а я его только бешу. Я вздыхаю и тихонько целую из медведей того, который среди них мне кажется особо грустным.

Глава 7

После ситуации с «Формулой-Игрополис» возникли неожиданные побочные эффекты. Атмосфера между мной и Марком сменилась на неловко-трепетную. Мы украдкой поглядываем друг на друга, быстро отводя взгляд, стоит только одному из нас засечь другого. Этот новый уровень отношений — одновременно мучительный и пьянящий.

Мой отец выходит из своего офиса и окидывает нас с Марком оценивающим взглядом. Мы в этот момент молча перевешиваем гирлянды у камина в детском уголке для чтения, стараясь не касаться друг друга, даже случайно.

— Что-то вы сегодня подозрительно тихие, — замечает он, и в его глазах пляшет искорка. — Идемте, прервемся. Выпьем безалкогольного глинтвейна или шоколада с зефирками.

Протестовать бесполезно. Мы идем в правую часть третьего этажа торгового центра, туда, где располагается кофейня. И уже через пять минут у каждого из нас в руках по кружке, от которой валит пар и нестерпимо вкусно пахнет шоколадом.

Неловкое молчание затягивается. В отличие от нас, отец пьет глинтвейн. Он пристально смотрит на нас с Марком, и я практически слышу, как шуршат мысли, которые он тщательно выводит пером на бумаге в своей голове.

— Ну так что, Лика? — наконец спрашивает он. — Как тебе работа в «Игрополисе»? Не передумала? Мне вот звонил твой брат, спрашивал, не сдалась ли ты.

Я чувствую, как по моим щекам разливается краска. Марк поднимает на меня взгляд, в котором четко читается вопрос.

— Дмитрий? — тихо переспрашивает он.

— У нее только один брат, насколько мне известно, — поднимает одну бровь отец.

— Ага, Дмитрий, — вздыхаю я, понимая, что скрывать истинную причину моего нахождения в «Игрополисе» теперь бессмысленно. Хотя я и не собиралась открываться сейчас. — Мой супер харизматичный братец в последний момент сорвался с группой на горнолыжку. А я попала на слабо. Он сказал, что я не продержусь и трех дней в режиме «ответственный взрослый».

— На слабо? — опять повторяет Марк, и мне кажется, что его губ касается мимолетная улыбка. — И на что вы поспорили?

— На новый телефон, — признаюсь я, смотря в свою кружку. — Я о нем полгода мечтала. Отец хмыкает.

— А могла бы просто попросить его у меня, — ворчит он.

Я продолжаю смотреть в кружку.

— Ну, Дима всегда умел находить слабые места, — замечает отец. — А ты, Марк, как оказался в нашей игрушечной империи? Сбежал от университетской суеты?

Марк замирает на секунду, и его пальцы крепче сжимают теплую кружку. Он смотрит куда-то мимо нас, на проходящих людей.

— Нет. Не от университета.

Я понимаю, что большей конкретики от Марка уже не дождусь. Это было не то объяснение, которого я ожидала.

— Что... Что это значит? — выдохнула я, не в силах удержаться от вопроса.

Но Марк просто поставил кружку с недопитым какао на стол.

— Спасибо, но как-нибудь в другой раз. Мой перерыв окончен, мне ещё нужно сверить остатки в отделе сладостей.

Марк выходит из кофейни, оставляя меня наедине с отцом. Кстати, я живу у отца дома, но за эти дни ни разу не перекинулась с ним и словом. Поэтому сейчас я снова трушу и, поблаго-

дарив отца за какао, сбегаю вслед за Марком. Теперь мне до смерти хочется узнать его «тайну», и, возможно, помочь ему справиться с этим.

Я не сразу возвращаюсь в «Игрополис». Мне требуется некоторое время, чтобы привести чувства в порядок. Я стою у окна и разглядываю карту несуществующих королевств, начертанную на окне морозом. Потом делаю «довольное» сэлфи, и отправляю маме и в соцсети. Для Димы делаю другое, отдельное сэлфи, тонко намекающее ему, что я не сдалась и сдаваться не собираюсь. Нажимаю на кнопку «отправить» и убираю телефон в карман, борясь с искушением начать отвечать на его реакции.

Дальше по плану — демонстрация настольных игр. Я изображаю азарт и удивление так убедительно, что вокруг опять собирается толпа. А у меня, несмотря на все «развлечения», после того, как Марку открылась истинная причина моего пребывания здесь, почему-то царит минор. Я хандрю, хоть этого никто и не видит.

В «час магии» мы заколдовываем шляпы, и они взлетают под потолок. Дети дружно выкрикивают заклинания, и мне приходится ловить под потолком особо прыткие экземпляры. Я приношу лестницу из подсобки и балансирую на ней под потолком на втором этаже, еле дотягиваясь пальцами до полей.

Не успеваю я опустить вниз все шляпы, как снизу раздается визг. Одна из мамочек мечется из стороны в сторону, пытаясь что-то выдрать у себя из волос, причем вместе с волосами. Я быстро опускаюсь по лестнице, и понимаю, что у нее в волосах запуталась йо-йо. Шутками отвлекаю паникующую девушку и одновременно виртуозно распутываю клубок волос. Выдыхаю, когда понимаю, что точно спасла длину ее прически. Тем временем, девушка категорично заявляет своему сыну:

— Ну уж нет, вот это — мы теперь точно покупать не будем! Или в отдел с машинками, или конструктором.

Мальчик шмыгает носом, я увожу его из отдела активных игр, и, в конечном итоге, он — абсолютно счастливый — забирает из магазина просто гигантскую коробку с конструктором.

Мо

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.